И сквозь все это — трагический монолог Бориса...» [3].

Однако же Борис уже переступил, и он «смотрит правде в глаза». А вслед за ним рвется и Отрепьев, готовый отречься от просто доставшихся ему в удел, не им самим завоеванных происхождения и даже имени.

При всем этом, по точному наблюдению Г. О. Винокура, в стихотворных сценах «Бориса Годунова» языковых характеристик «вообще нет, что, конечно, не исключает возможности стилизации речи отдельных персонажей в определенном направлении... В какой-то мере язык действующих лиц в „Борисе Годунове", конечно, дифференцирован, хотя бы уже потому, что это разные драматические характеры и лица, говорящие на разные темы. Но вместе с тем все они говорят одним и тем же языком, и именно в той мере, в какой они говорят поэтическим языком самого Пушкина» [4].

И вот — «Евгений Онегин».

Произведение это возникало, зачиналось в кругу южных пушкинских поэм. По отношению к их героям Пушкин чувствовал себя еще вполне и совершенно свободно — как ничем не сдерживаемый в своем воображении творец близких себе так или иначе и не слишком в собственном своем облике определенных фигур. Так это было поначалу и с «Евгением Онегиным».

Евгений, по первоначальному варианту, представился ему сразу же влюбившимся в Татьяну, но почти тотчас эта версия отошла. Одна из зачеркнутых строф II главы, сначала характеризовавшая Ольгу, была отнесена затем к Татьяне. Уже то, что «роман в стихах» выходил в свет на протяжении ряда лет отдельными главами, почти исключало специальный интерес к фабуле, к отношениям персонажей.

В 1828 г. И. В. Киреевский говорил, что «чем более поэт отдаляется от главного героя и забывается в посторонних описаниях, тем он самобытнее и национальнее» [5].

В самом деле, первоосновное соотнесение поэтом себя со своим заглавным персонажем не сулило как будто в художественной природе «Евгения Онегина» ничего особенно «самобытного и национального». И все же Киреевский не мог еще тогда разглядеть главное, решающее.

С. Г. Бочаров в книге «Поэтика Пушкина» отметил особую роль в пушкинском «романе в стихах» сослагательного наклонения. Оно вводит возможности внутреннего саморазвития, саморазвертывания характеров, еще не нашедшие единственного своего русла, не исключающие, а даже предполагающие пока разные, иногда даже противоположные пути. Самый яркий тому, наверное, пример — два поставленных рядом и равно вероятных в момент, когда Ленский ушел из жизни, варианта его будущего.

«Обычный путь построения ситуаций в романе — это именно *два* варианта, падающих „налево и направо" от некоей сюжетно-композиционной оси», [6] — констатирует исследователь. И это значит, что у персонажей «Евгения Онегина» складывается уже собственная судьба и именно как таковая самому создателю их она не может быть наперед и вполне доступна.

Пушкин в «Евгении Онегине» словно бы настаивает на том, что многое в его героях, им же на наших глазах сотворяемых, ему не открыто, ибо, сотворенные, они обретают реальность, подобную реальности самой жизни, и становятся как бы независимы от автора.

Когда Онегина на какие-то мгновенья взволновало письмо Татьяны, то говорится об этом у Пушкина так: «Быть может, чувствий пыл ста-

---

[3] *Гладков А.* Из воспоминаний о Мейерхольде.—«Москва театральная». М., «Искусство», 1960, с. 374.

[4] *Винокур Г. О.* Язык «Бориса Годунова».—«Борис Годунов» А. С. Пушкина. Сборник статей..., под общей ред. К. Н. Державина, Л., 1936, с. 134.

[5] *Киреевский И. В.*, Полное собр. соч., т. II. М., 1911, с. 10.

[6] *Бочаров С. Г.* Поэтика Пушкина. Очерки. М., «Наука», 1974, с. 95.